

ЯНА ТАРЬЯНОВА

МАЙЯ МАЙКОВА

КОЗЯИКА

ЗАБРОШЕННОГО

ЭЛЕВАТОРА

Яна Тарьянова

Хозяйка заброшенного элеватора

«Автор»

«Автор»

2026

Тарьянова Я.

Хозяйка заброшенного элеватора / Я. Тарьянова — «Автор»,
«Автор», 2026

Ксению выгоняет муж и отдает ей долю имущества по брачному контракту — почти разрушенный элеватор в Ставропольском крае, оценивающийся на бумаге в изрядную сумму денег. Волк-оборотень Гжегож получает работу — охрану территории в иномирье. Гном Дормидонт присматривает за зачарованным маневровым локомотивом. Несомненно, эти трое встретятся и отправятся в путешествие по мирам. Нас ждут приключения с шорохом кринолинов, блеск золота партии, гномское сватовство и грибная охота у волков-оборотней. Приятного чтения!

© Тарьянова Я., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Ксения. Развод и раздел имущества	7
Глава 2. Гжесь. Новая работа	9
Глава 3. Ксения. Знакомство с соседями	12
Глава 4. Гжесь. Вести от управляющего	15
Глава 5. Ксения. Хиппарь и моджахеды	18
Глава 6. Гжесь. Новое задание	21
Глава 7. Ксения. Поездка на локомотиве	24
Глава 8. Гжесь. Остановка по требованию	27
Глава 9. Ксения. Пикник на «Бахчевой»	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Майя Майкова, Яна Тарьянова

Хозяйка заброшенного элеватора

Пролог

Управляющий долго изучал документы Гжесь – словно не сторожем на заброшку в иномирье собирался взять, а принимал на работу в элитное охранное агентство.

– Волк-оборотень, – медленно проговорил он. – Образование – военная академия. Специальность «организация вопросов безопасности и телоохраны». Знание трех языков: гномского, северного и южного человеческого. Азы драконьего языка. Отличные оценки, положительные характеристики с места учебы. Коммуникабельность, уравновешенность, умение контролировать звериные инстинкты. Почему вы не устроились на работу по специальности?

– Высокий процент безработицы среди оборотней, – привычно ответил Гжесь. – В связи с тем, что Южная империя закрыла волкам въезд на свои территории, а отношения с Северной империей заморожены, на рынке труда предложение значительно превышает спрос. Я пять лет проработал в охранной службе южного нефтяного предприятия и был уволен по сокращению штата после закона об ограничении на миграцию оборотней. За последние два года ни разу не получил отклика на свою заявку на бирже.

– Да, ситуация печальная, – важно кивнул управляющий.

«Как будто ты без моего рассказа об этом не знал», – подумал Гжесь и изобразил заинтересованное внимание.

– Как я уже говорил, мне требуется небольшой отряд для охраны неработающего элеватора. Три, максимум четыре оборотня. Комплекс зданий постепенно разрушается, сам элеватор, скорее всего, восстановлению не подлежит, однако на территории находится ценное имущество – зачарованный маневровый локомотив, способный вывозить грузы на железнодорожную ветку к Торжище-Сортировочной. Локомотив в рабочем состоянии, за ним следит машинист-механик. С ним вам придется сработать и избегать конфликтов – для меня он более ценный сотрудник, работающий по долгосрочному контракту.

– Человек? – уточнил Гжесь.

– Гном.

Это было не так уж плохо – оборотни и гномы не конфликтовали. А после прекращения поставок продовольствия из Северной империи одинаково страдали от нехватки продуктов – не имели склонности к сельскому хозяйству, предпочитая обменивать его плоды на свои знания и силу.

– Вы говорили, что сможете выйти на службу вместе с родственниками?

– Да, мои двоюродные и троюродные братья почтут за честь послужить филиалу элеватора в Торжище-Сортировочной.

От неприкрытой лесты управляющий заметно смягчился.

– Напомню, что вам и отряду будет запрещен выход за ограду охраняемой территории – это одно из давних условий договора с имперцами, которое я не могу отменить. Вам придется договариваться с машинистом-механиком или питаться грызунами. Мышей огромное количество, вроде бы, даже зайцы водятся – все заросло деревьями, их никто не пилит. В случае, если машинист согласится покупать вам еду, часть жалованья будет выплачиваться местными деньгами.

– Меня и братьев это устраивает, – твердо сказал Гжесь – в последнее время он только дичью и питался, да еще и конкурентов в лесу возле родного городка было больше, чем доста-

точно. – Мы приложим все усилия, чтобы договориться с гномом. Можем приступить к работе в любой момент.

– Завтра принесете документы, моя помощница оформит вам пропуска и выдаст амулеты-хожени. Добираться к элеватору придется своим ходом – железнодорожная колея закрыта, пассажирские поезда по этой ветке не ходят. Помните, Гжегож. Приоритет – маневровый тепловоз. Второстепенная задача – охрана машиниста. Что до здания и территории – хоть трава не расти. Думаю, нынешний хозяин был бы рад, если бы она не росла. Насколько я знаю, его постоянно штрафуют за то, что ее не косят и не опиливают деревья.

– Извините, – Гжезь не выдержал. – Разрешите задать вопрос? А почему не забрать тепловоз сюда, на Сортировочную? Здесь же есть локомотивное депо. Зачем нужны такие сложности – отправлять в иномирье механика и охрану?

– К сожалению, мы не можем его забрать, – управляющий помрачнел. – Когда Северная империя распалась, наш договор о поставках зерна не утратил силу, но перестал исполняться. Представители Торжища подписывали документы с представителями государства. А потом власть сменилась, элеватор стал частной собственностью и выяснилось, что его содержание убыточно. Люди могли продолжать использовать его как логистический узел, связывающий их с иными мирами, но не захотели это делать. Им надо было прикладывать усилия: покупать зерно, отправлять его к нам. Как-то декларировать доходы. Элеватор начал переходить из рук в руки – дешеветь и разрушаться. Досадно то, что в заклинание, позволяющее локомотиву пересекать границу между мирами, было вплетено условие – он принадлежит людям и находится на их территории. Он не может отбуксировать вагоны на нашу ветку или выехать на Торжище без подписанного разрешения хозяина элеватора. Раньше – в те годы, когда заключался договор – разрешение подписывала специальная государственная комиссия. Увы, времена налаженных поставок и взаимодействия давно прошли. Да вы и сами это знаете.

Гжезь кивнул – он изучал торговую историю в академии.

– Я почти достиг соглашения с одним из хозяев. К тому времени сведения о чарах и торговле с иномирцами превратились в городскую легенду. Мне удалось заинтересовать хозяина крупной суммой – предложил ему выкупить локомотив якобы для нужд железнодорожной станции. Но... хозяин не приехал на встречу – он жил в столице – а потом продал элеватор другому человеку.

– Жаль, – сказал Гжезь.

– Не то слово! – управляющий покачал головой. – Это уникальный локомотив. Их зачаровывали драконы, заклинание закреплялось магией гномов. Их было семь. И, как ни прискорбно это говорить, все они утеряны. Мы пытались их отыскать, однако...

Короткий вздох и переключение на деловой тон.

– Что же, Гжегож. Раз вас все устраивает, жду вас и ваших родственников завтра к девяти утра. Для заключения окончательного договора.

Глава 1. Ксения. Развод и раздел имущества

Разрыв супружеских уз произошел неожиданно и молниеносно. Вечером Ксения улеглась спать, не дождавшись мужа – позвонил, сказал, что задерживается на совещании. А утром ее разбудила дрожащая горничная, которая произнесла странную фразу: «За вами пришли». Ксения спросонья подумала, что произошла какая-то чудовищная ошибка и в уютное семейное гнездышко явились представители правоохранительных органов. Не то предположила – в гостиной ее ждал адвокат мужа и двое сотрудников из службы безопасности агрохолдинга.

Оказалось, что их развели еще вчера. До начала важного совещания, отвлекшего мужа от возвращения домой. Развели – по отсутствию детей без суда – и разделили имущество. Покойный папенька настоял, чтобы Ксения перед замужеством заключила брачный контракт. Согласно этому документу – на минуточку, нотариально заверенному! – супруг должен был обеспечить Ксению квартирой и передать долю в бизнесе, чтобы она вступила в новую жизнь с солидным финансовым багажом.

Проблема была в том, что супруг, имеющий деньги и адвокатскую поддержку, выполнил пункты брачного контракта с изощренным издевательством. Ксения получила неликвидный полуразрушенный элеватор в Ставропольском крае – на бумаге руины имели внушительную стоимость – и трехкомнатную квартиру в двухэтажном доме рядом с тем же самым элеватором.

– Дом кирпичный, двухэтажный, без лифта, – монотонно вещал адвокат. – Построен по улучшенному проекту, в квартире есть балкон. Квартиры предназначались для руководства элеватора, дома для рабочих находятся на окраине. Ксения Петровна, Глафира сейчас соберет ваши оставшиеся вещи – большая часть уже упакована, она работала над этим всю ночь – их погрузят в две «Газели» и доставят к месту вашего нового проживания. Вас могут отвезти на автомобиле прямо домой. Или, если вы пожелаете, доставить вас на вокзал и купить билет.

– На какой вокзал? – растерянно спросила Ксения.

– На железнодорожный, – не теряя любезности ответил адвокат. – Полное время поездки по маршруту Москва – Ставрополь один день пять часов три минуты. Вы сойдете раньше. Поезд останавливается в Щедропольске на семь минут. Вы успеете выйти на перрон. Приказать Глафире собрать вам дорожную сумку?

– Да, – пробормотала Ксения.

Перспектива поездки в неизвестность с мрачными безопасниками ее пугала. Свернут с трассы в лес, дадут по голове, прикопают и муж через пару лет элеватор унаследует – по закону.

«Нет уж! В поезд они убийцу не подошлют. Поеду, послушаю стук колес, успокоюсь. Авось какие-то дельные мысли в голову придут».

Ксения не считала себя очень умной и проницательной – подвижки к разводу просмотрела, хотя знала, что муж погуливает – но и полной дурой не была. Про Щедропольский элеватор она от супруга слышала. Слышала только жалобы – элеватор пришлось приобрести в нагрузку к тепличному комплексу и свиноферме – и знала, что он глубоко убыточен. Содержание территории в надлежащем виде, то есть, без кустов амброзии и бешено растущей акации требовало денег. Нужно было заново строить ограду, взрывать или реставрировать рушащиеся рабочие башни, восстанавливать железнодорожные пути и превращать руины в перевалочный пункт. Гигантские вложения могли окупиться лет через десять-пятнадцать, а могли и не окупиться вообще.

«Там еще и задолженность по налогам наверняка имеется, – тоскливо подумала Ксения, удаляясь, чтобы переодеться. – Вот уж поделил, так поделил. Лучше бы он меня босиком на мороз выставил! Тогда бы можно было судиться. А сейчас?»

Мрачные сотрудники службы безопасности доставили Ксению на вокзал, вручили ей билет, телефон и проследили, чтобы она села в вагон. Щедрость супруга простерлась до того,

что ей досталось купе без попутчиков – можно было всласть выплакаться или сидеть не шевелясь, глядя на мелькающий пейзаж. Вечером, когда стемнело, за окном стали видны редкие точки фонарей и ее собственное, лукаво приукрашенное отражение. Ксения шевелила головой, ловила ответное движение русских прядей и думала: «Здравствуйте, законные огоньки. Я неудачница. Мне тридцать три годика. За плечами факультет изобразительного искусства и народных ремесел, ни дня работы по специальности, десять лет супружеской жизни – без детей – развод и ссылка в захолустье».

Огоньки ободряюще подмигивали, Ксения хотела и не могла расплакаться – крепко чувство, что она ушла живой из капкана и даже лапу отгрызть не пришлось. Муж в последнее время начал злоупотреблять алкоголем, а растущий капитал вселил в него чувство вседозволенности. Ксения и перед замужеством понимала, что не за простого зоотехника Виталика идет, а с годами начала нарастать тревога: слишком уж много несчастных случаев с конкурентами мужа стало происходить, слишком уж мрачны и исполнительны сотрудники службы безопасности агрохолдинга.

– Продам к чертям собачьим этот элеватор и эту квартиру, – негромко пообещала себе она. – За бесценок, лишь бы избавиться. И уеду домой, на Урал. Зря я поехала покорять Москву, ох, зря.

Ночь под стук колес не успокоила. Кондиционер разгонял августовскую духоту – последние дни лета выдались жаркими – но в отфильтрованном воздухе не было свежести, не удавалось вдохнуть полную грудь. Как обручем перехватывало – то ли действительно духота, то ли неизбежные нервы. Проворочавшись ночь, Ксения все-таки отключилась – под утро, когда за окном появились первые лучи рассветного солнца.

Она умылась, накрутилась, дважды заставила себя поесть, просмотрела файлы, сброшенные адвокатом на электронную почту. План элеватора. Неразборчивые документы. Фотографии – облупленный фасад какой-то пристройки, барельеф Ленина над дверным козырьком. Соединенные арки, покосившийся решетчатый забор, развалившаяся бетонная ограда, деревья, высокие сооружения с окнами без стекол и ржавыми лестницами.

«На месте посмотрю, своими глазами, – решила она, закрывая файлы. – Поищу кого-то в конторе, расспрошу. Должен же там кто-то в конторе сидеть?»

Последний пункт вызвал сомнения. Ксения знала скупость мужа – теперь уже бывшего мужа – и его страсть к оптимизации расходов. Вполне возможно, что персонал элеватора был полностью уволен, а дела вел кто-то на удаленке. Как вел? Получал предписания о штрафах и налогах и складывал их в папку на рабочем столе ноутбука. А, может быть, сразу отправлял в корзину. Как лишний мусор.

Плохо было то, что поезд прибывал на станцию Щедрополье поздним вечером. Адрес новой квартиры Ксения забила в телефон в раздел «заметки», чтобы продиктовать таксисту, и, выгрузившись на перрон с двумя сумками, обнаружила, что ни одно из приложений такси в этом городе не работает.

Поезд уехал, одарив ее прощальным свистком. Стук колес стих. Здание железнодорожной станции было закрыто, спасибо хоть фонари горели, освещая криво подстриженные туи, скамейки и тщательно побеленные бордюры и заборы. Все было чистеньким и ужасно старомодным – Ксении показалось, что она вышла не из поезда, а из машины времени. Тишина. Далекий лай собак. Ни шума машин, ни музыки, ни тротуарной плитки – растрескавшийся асфальт – и ни одного рекламного щита.

«И ни одного бомжа, – оглядевшись по сторонам, отметила она. – Это радует. А отсутствие людей и транспорта пугает. Я не рассчитывала, что тут будет метро. Мне бы такси, автобус или хоть какую-то маршрутку! Я не хочу ночевать на лавочке! Я хочу попасть в свою квартиру! Но как до нее добраться?»

Глава 2. Гжесь. Новая работа

В последний момент у управляющего случился приступ скаредности, и он принял на работу только двух братьев Гжесья, хотя сначала речь шла о трех. Хорошо хоть самому Гжесю от ворот поворот не дал, было бы очень и очень обидно.

Филиал элеватора на Торжище впечатлял. Дом с колоннами и гербом исчезнувшей империи – колосья, перехваченные лентой, серп и молот – служил маяком в деловом квартале, возвышаясь над другими зданиями. Гжесья и братьев провели в служебные помещения, выдали несколько договоров – пришлось подписывать разнообразные обязательства о ненарушении – и отправили в Бюро Магического контроля, чтобы активировать амулеты-хожени. Пожилой колдун долго рассматривал Гжесья, братьев и резные деревянные кругляшки на шнурках, обмотанные разноцветными нитями и бусинами, не нашел повода для отказа и прочитал заклинание, заставившее бусины весело застучать. Теперь они могли увидеть и пересечь границу с землями северной империи. Остальные путники – если бы таковые случайно дошли до этого места, остановились бы перед железнодорожными путями, уходящими в землю. Или вообще бы не дошли из-за внезапного тумана.

Бежать было решено на лапах, по шпалам или тропинкам вдоль путей. Перед тем как отправиться в путешествие, Гжесь зашел на почту и отправил матушке короткое письмо, пообещав по возможности купить какой-нибудь крупы и муки и прислать ей посылку. Он знал, что бегать туда-сюда с амулетом не получится – хожень быстро выработает ресурс и у транспортной полиции возникнут вопросы. Садиться в тюрьму по обвинению в контрабанде не хотелось, но одна вылазка должна была сойти с рук. Если, конечно, гном не встанет в позу и не откажет им в покупке продуктов.

После почты он заглянул в волчий храм, помолился Двухлицой Матери, поблагодарил ее за ниспосланную удачу. Вернулся на железнодорожный вокзал, где его уже ждали перекинувшиеся Мориц и Дьюла с торбами на боках. Управляющий в последний момент расщедрился и выдал им в дорогу галеты. Явно забытые в кладовке и просроченные, пахнущие затхлостью, но и это было подарком судьбы – такие припасы на рынке уходили влет и стоили далеко не гроши.

До элеватора добирались трое суток. Почти не отдыхали, перекусывали галетами, пили из фонтанчиков на пустых станциях, один раз остановились и оборвали яблоню с крупными красно-желтыми плодами. Наелись и с собой унесли – дома, в Густолесье, сады почти перестали плодоносить. Как проклял кто-то.

Границу они заметили благодаря хоженям. Амулеты, висевшие у них на шеях, заплясали, защелкали бусинами, требуя свернуть на рельсы, уходящие от основной колеи. Из-под деревянных шпал, пропитанных вонючей соляжкой, пробивалась чахлая трава. Дохнуло мимолетным холодом, завеса разошлась, шпалы сменились на бетонные. Гжесь пробежал вперед, оценивая стрелки и семафоры – все поржавевшее, заросшее сорняками – и увидел возвышающиеся над равниной башни элеватора.

Сооружение впечатляло. Северные имперцы умели строить не хуже гномов. Жаль, что у них сменилась власть. Они были лучшими союзниками. Ни лесные колдуны, ни высокомерные южане никогда не роднились ни с оборотнями, ни с гномами. А с северянами бывало.

Они добежали до решетчатых железных ворот с цепью и громоздким амбарным замком, протиснулись через дыру и вошли на территорию, которую им предстояло охранять. Гжесь обернулся, рассмотрел пятиконечные звезды на воротах – когда-то покрашенные красной краской, а сейчас безнадежно ржавые – и повел свою маленькую стаю к ангару с локомотивом. Главная ценность была на месте, оставалось только найти гнома.

Долго искать не пришлось. Дормидонт вышел им навстречу, помахивая кувалдой. Присмотрелся, буркнул:

– А, охраннички. Знаю-знаю, управляющий почтового голубя присылал.

Он показал им пару бытовок – с кроватями, крохотной электрической плиткой и кипятивником в трехлитровой банке.

– Свет еще не отключили. Приезжали с полгода назад, но я их прогнал, больше не возвращались. Вода вот, – он указал на дряхлый уличный кран. – Горячей нет, только холодная.

Гжесь витиевато поблагодарил за гостеприимство, одновременно оценивая Дормидонта и делая выводы. Машинист-механик не был чистокровным гномом, примесь человеческой крови отражалась в росте – вымахал как два стандартных приземистых коротыша – и в живой мимике. У чистокровных гномов лицо напоминало каменную маску, а Дормидонт гримасничал всюду: сводил брови «домиком», широко улыбался, вспоминая битву с электросетью, и важно надулся, когда Гжесь отпустил комплимент локомотиву.

– Я с него пылинки сдуваю. Красавец. И работяга. Застоялся он, ему бы сейчас на пару составов вагоны перетаскать. Эх... зачарованному транспорту нельзя столько лет простаивать. Я его выгуливаю, конечно. По территории езжу туда-сюда, за рельсами слежу. Но этого мало.

Гжесь кивнул и с некоторой опаской посмотрел на локомотив. Вроде и маленький, а весит восемьдесят тонн. Не остановишь. У него только балласта пятнадцать тонн! После беседы с управляющим Гжесь ходил в библиотеку, откопал старые подшивки «Железнодорожного вестника» и ознакомился с характеристиками тепловоза. Впечатлили.

«Главное, чтобы он не взбесился от скуки. Мало ли как заклинание сработает. Хотя... убежим, если что, по полю он за нами гнаться не сможет. А остальное – головная боль Дормидонта и управляющего».

Вопрос закупки продуктов разрешился быстро и без проблем – за чаепитием. Они выложили на стол яблоки, Дормидонт порылся в своих запасах и принес кучу сладостей, хлеб, сыр и масло. Божественное пиршество. Гном, явно заскучавший без общества, выслушал просьбу Гжеся и пообещал покупать им еду.

– Управляющему напишешь потом. Пока со своими деньгами в магазин ходить буду, потом рассчитаемся. Берите пряники, не стесняйтесь. Я за продуктами раз в неделю хожу. Боюсь Тиму одного надолго оставлять. Теперь, когда вы за ним присмотреть можете, буду ходить почаще.

Гжесь не сразу понял, что Тима – это тепловоз. Дормидонт огладил рыжеватую бороду – без косичек и вплетенных бусин, еще один признак, что не чистокровный, те без украшений бороды как голые – и начал перечислять ассортимент продуктов в магазинах, вызывая зависть и слюноотделение.

– Крупы всякой навалом. И гречка, и рис. Рис местный невкусный, я привозной высматриваю. Вам могу пропаренный купить. Можем кашу с сухофруктами приготовить. Очень вкусно получается, но мне одному обычно лень возиться, а на всех не грех и покашеварить.

Гномы были известными сладкоежками, каше с мясом предпочитали молочную с сахаром, но Гжеся и братьев это устраивало. Волки слышали, что на элеваторе в изобилии водится мелкая дичь, но не хотели охотиться и передали двуногим половинкам заботы о еде. Отчего бы и не съесть кашу с сухофруктами?

– Порешаем бытовые дела, потом я вас на Тиме покатаю, – пообещал Дормидонт. – Пишите списки, завтра с утра пойду закупать. Если чего мыльно-рыльного не хватает, тоже пишите. Куплю. Тут всего в достатке.

– Напишем, – пообещал Гжесь. – Сначала надо осмотреть территорию. Хочу оценить ограду.

– Что тут оценивать? – махнул рукой гном. – Одна видимость, а не забор. Раствор некачественный был, слишком много песка. Выветрился, кирпичи падают, кругом дыры. В запад-

ной части прямо к домам проход. Я тропку протоптал. В ту сторону к магазину ближе, чем через ворота.

– А оттуда ходят?

– Да кто оттуда может ходить? Там старухи живут, им не до прогулок по пересеченной местности. Ребяшня сюда не добирается, парк и детские площадки в другой стороне.

Гжесь сделал себе мысленную пометку – пробежать вдоль ограды и хорошенько обнюхать все тропки. Запах сразу покажет, ходят или не ходят.

Глава 3. Ксения. Знакомство с соседями

Она осмелилась спуститься по лестнице, ведущей к какой-то темной площади, и обнаружила что за зданием станции имеется подобие цивилизации. Магазинчик «Продукты» со светящейся вывеской, неработающий банкомат и – о чудо! – стоянка такси. Ксения рискнула сказать адрес пожилому мужчине, лениво лузгавшему семечки, и даже получила дополнительную услугу – водитель сходил на перрон, забрал и погрузил в багажник ее сумки. К счастью, в Щедропольске брали оплату переводом на карту. Наличных у Ксении не было и требовалось их где-то добыть – чувствовалось, что в следующий раз может не повезти. Городок выглядел потерянным во времени: они проезжали мимо частного сектора, где на лавочках возле калиток сидели старухи в платках, провожавшие взглядами машину. Автомобили на вечерних улицах можно было по пальцам пересчитать. Водитель притормозил на перекрестке, пропуская пешеходов, и Ксения поняла, что здесь нет не только бомжей. Пробок! Здесь нет автомобильных пробок! Это настолько восхитило, что она немного примирилась с действительностью.

Таксист довез ее до небольшого района, застроенного двухэтажными домами, получил щедрые чаевые и занес сумки на второй этаж. Ксения достала ключи, переданные ей адвокатом, отперла замок – дверь была новой, железной – и осторожно вошла в тесную прихожую. Тихо. Слабый запах ее собственной парфюмерии. За дверью напротив раздались какие-то звуки, и Ксения, обретя живость, затащила сумки и заперлась. Разговаривать с соседями ей категорически не хотелось. Отвыкла от такого общения и не представляла, как поддержать беседу. И что о себе говорить тоже не знала. Не сообщать же всем, что она хозяйка элеватора. А как объяснить, зачем она приехала в такую дыру?

Отложив придумывание лжи на потом, она прошла в большую комнату. Ее вещи, привезенные в коробках, были сложены штабелями возле стен и мебели. Одна из спален тоже была забита коробками и пакетами, а во второй кто-то навел порядок: чистота, новенькая кровать, под покрывалом свежее постельное белье. Ксения осторожно пробралась к балкону, открыла дверь, впустила свежий воздух и осмотрела пейзаж. Темнота, темнота, редкие огни, лай собак... господи, петух орет, что ли? Ксения рассмеялась и тут же расплакалась. За что ей это? Жизнь в деревне с петухами и без возможности вызвать такси.

Она заплакалась, вытерла слезы, взяла себя в руки, закрыла балконную дверь и отправилась в ванную – смыть дорожную пыль, липкие клочья потрясения и страх перед будущим. Теплая вода с пеной успокоила, в холодильнике нашлись нарезки колбасы, сыра и хлеб. Ксения заварила себе чай, съела бутерброд, глядя в окно, и улеглась спать – без лишних раздумий и слез. И это было неожиданно и приятно.

Разбудил ее громкий и решительный стук в дверь. Ксения некоторое время ждала – а вдруг стучащему надоест, и он уйдет? – а потом не выдержала, накинула халат и пошла к источнику шума. Взгляд в глазок ничего не прояснил – что-то большое, голубое и с пятнами.

– Кто там?

– Я твоя соседка, Галина Сергеевна. Принесла подарок на новоселье. Узнать хочу, как ты тут, деточка. Твой дядя сказал, что у тебя нервные припадки бывают. Мы с мамой беспокоимся.

«Что? Дядя? Припадки?»

Дяди у Ксении отродясь не было, из всех родственников имелась только сестра, с которой она не поддерживала отношения. И припадков тоже не было, хотя, если жизнь будет заваливать ее такими ежедневными потрясениями, то начнутся.

Она открыла дверь, мило улыбнулась соседке и поддержала разговор, выуживая обрывочные сведения о дяде. Черт его знает, кто это был – то ли адвокат, то ли какой-то сотрудник службы безопасности – но по ушам он теткам-соседкам проехался знатно. Ксения, понимаете

ли, переехала в Щедропольск, чтобы уединиться в тишине и покое после автокатастрофы, ода- рившей ее нервным потрясением и припадками.

Счет к Виталику, вышвырнувшему ее из дома, удвоился. Ксения понимала, что не сможет отомстить бывшему мужу, но помечтать-то можно? Продаст она этот элеватор, по пути на Урал заедет в Москву, и... Что можно сделать она не придумала – перед мысленным взором сразу предстал директор службы безопасности агрохолдинга, отставной генерал.

Тетка, заметившая, что она замечталась, в сотый раз назвала ее деточкой и впихнула в руки увесистую банку маринованных огурцов. Банка, закрытая полиэтиленовой крышкой, источала сильный запах укропа. Ксения поморщилась – укроп в соленьях она не любила, и даже раков предпочитала сваренных без зелени, что вызывало удивление у окружающих. Она пообещала Галине Сергеевне вернуть банку, а также зайти и познакомиться с ее мамой. Попро- щалась, закрыла дверь и вынесла огурцы на балкон.

День прошел в распаковке коробок и поисках нужных вещей. Солнце раскалило квар- тире, как будто не последние дни августа, а жаркий июль. Или Африка. Дверь на балкон при- шлось держать открытой и к вечеру Ксения почувствовала, что от запаха укропа у нее вот-вот начнется самый настоящий припадок.

– Надо их выкинуть, – пробормотала она, подкравшись к балкону. – Но как? Если слить маринад в мойку или унитаз, вся квартира укропом провоняется. Хоть вниз со второго этажа кидай! Но мне же нужно вернуть банку.

Она подошла к перилам, стараясь держаться подальше от огурцов. Пристально осмотрела прилегающие к дому окрестности. Мусорный контейнер выделялся ярким оранжевым пятном. Вокруг росли кусты и деревья, скрывавшие разрушенную ограду. Ксения долго раздумывала и решила дождаться темноты, дойти до контейнера и выкинуть огурцы в близлежащий густой куст. Авось мышки съедят или птички склюют. Должен же в природе кто-то жрать маринован- ные огурцы? Вот и вклад в экологию.

Сказано – сделано. Ксения переделась в темные вещи и прихватила пакет с накопив- шимся мусором. В подъезде было тихо, и она, опасаясь оступиться, спустилась по лестнице, прошмыгнула по освещенному фонарем клочку двора и нырнула в кусты. Фонарь остался за спиной и это ненадолго ослепило. Зато потом, когда глаза привыкли к изменившемуся свету, стало ясно, что ветки, траву и разрушенную ограду серебрят полная луна. А звезд сколько, бабюшки!

Ксения застыла с банкой в руках, позабыв об укропе. Она рассматривала необъятное черное небо, мерцающее холодной россыпью драгоценностей, которые нельзя было купить, отнять или выклянчить.

«Какая красота! Как давно я не смотрела на звезды. Сейчас сделаю себе чай и сяду с чашкой на балконе. Полюбуюсь вдоволь».

От созерцания ее отвлек шорох и негромкий треск. Ветки зашевелились и из куста выгля- нула здоровенная собака. Ксения ошеломленно пискнула – собак в целом она не боялась, они ее никогда не трогали, ластились, но появление крупного пса в ночи отозвалось неприятным холодком в животе. Убегать было нельзя, она знала, что животные чувствуют страх, поэтому наскребла немного твердости и скомандовала:

– Фу! Место!

Пес сделал осторожный шаг в ее сторону и склонил голову.

– Сидеть! – Ксения на автомате выдавала все известные ей команды. – Сидеть! Дай лапу!

Пес потоптался, сел и протянул ей лапу – знал слова, видимо, дрессировали. В свете луны было трудно понять породу, и Ксения предположила:

– Ты хаски? Вы вечно убегаете. Зря вас в городах заводят, вам работать надо.

Пес кивнул и облизнулся, глядя на банку.

Страх ушел, вернулась знакомая уверенность – псина и псина, они все немного придурковатые, но доброе слово понимают.

– Кушать хочешь? У меня ничего нет, только огурцы. Ты же огурцы не будешь.

Хаски громко застучал хвостом по веткам и заулыбался.

– Будешь? – недоверчиво спросила Ксения. – Сейчас я тебе один достану. Проверим.

Пес был худым, явно недокормленным – то ли на цепи впроголодь держали, потому и сбежал, то ли давно бродяжничал. Ксения выудила огурец, кинула на землю и предложила:

– Ешь, если хочешь.

Хаски слопал огурец за полминуты. Заскулил, облизнулся – попросил еще. Ксения вздохнула – теперь и руки воняли укропом – и высыпала огурцы поближе к псу.

– Приятного аппетита, – пожелала она. – Завтра поеду по делам, заодно в магазине продуктов куплю и собачий корм. Если негде будет поужинать – приходи. Договорились?

Хаски оторвался от огурцов. Подошел, сел и протянул ей лапу.

– Договорились, – пожимая мощную лапу, сказала Ксения. – До завтра.

Глава 4. Гжесь. Вести от управляющего

После чаепития Гжесь немного подремал, прислушиваясь к окружающим звукам. Мыши, ящерицы... лиса, почуявшая волков и настороженно принохивающаяся. Издалека, почти неразличимо, доносились отголоски человеческой жизни – проезжали автомобили, кто-то пилит и сверлит, слушал музыку. Гжесь дождался темноты, превратился и побежал на обход – неважно, что никто за этим не следит, галеты надо отрабатывать. Волк двинулся от решетчатых ворот со звездами против часовой стрелки, рысил, изредка останавливаясь, чтобы пометить кусты. Дормидонт был прав – ограда проиграла времени с треском. Местами из-за груд кирпичей пройти было невозможно. Однако эти проходы на территорию никого не привлекали – то тут, то там образовались стихийные свалки, надежно преграждающие путь возможным расхитителям.

Звуки человеческой жизни приблизились, когда волк описал полукруг. Стали видны светящиеся окна домов, потянуло запахом жарящихся котлет. И маринадом. И укропом. Гжесь облизнулся, подошел к пролому – возле кустов и мусорного бака стояла вкусно пахнущая молодая женщина, смотревшая в небо – и осторожно просунул голову сквозь переплетение ветвей, стараясь не нарушать границу охраняемой территории. Дама сначала испугалась, а потом неожиданно смягчилась и кинула ему ароматный соленый огурец. Самое то, чтобы заесть гномские пряники!

Он всеми силами постарался продемонстрировать дружелюбие и добился того, что добрая женщина его погладила, пожала лапу и отдала оставшиеся огурцы. Все до единого! И пообещала завтра еще чем-то покормить. Гжесь понимал, что до завтра красавица об этом забудет – что ей какой-то бродячий волк? – и доел все огурцы, даже не думая делиться с братьями. Еще чего! Он сам их заработал. Ему даже имя дали – Хаски. Непривычное, но красивое. Почти как дама с огурцами.

Волк, икая, завершил обход. Больше ничего интересного не случилось, только лиса, сообразившая, что на элеватор явились серьезные противники, покинула нору и куда-то убежала. Гжесь вернулся к бытовке, превратился, напился и набрал бутылку воды про запас. Все-таки, он съел слишком много огурцов. Надо было половину припрятать.

Утром Дормидонт предложил не ломать язык и звать его Дориком, трижды сходил в магазин, накупил еды, полотенец, постельного белья и одежду. В северной империи, несмотря на название, было очень жарко, и маленькая стая обрадовалась шортам и футболкам – в принесенных из дома вещах они уже запарились.

Мориц вызвался кашеварить: замочил рис, курагу и изюм, нашел в груде хлама огромную кастрюлю и начал ее драить под наблюдением Дормидонта. Неспешное хозяйствование нарушил пронзительный свист. Гжесь узнал сигнал камня-говоруна и насторожил уши. А гном не так-то прост. Говорил, что получает известия от управляющего голубиной почтой, а у самого в жилом ангаре припрятан редкий и дорогостоящий артефакт.

Дормидонт, услышав свист, подскочил и помчался в свое жилище. Говорить старался тише, но это не спасало от волчьих ушей. Гжесь подкрался ближе, чтобы четко различать слова, замер и затаил дыхание.

– Точно продали? – спросил Дорик. – А когда?

– Два или три дня назад, – голос управляющего звучал глухо. – Права на элеватор и локомотив перешли к бывшей жене хозяина. Как я понял, он развелся и выделил ей долю имущества по брачному контракту.

– Ага... – прокряхтел Дорик. – И что теперь? Какие у нее планы?

– Понятие не имею. У меня почти нет агентов в этом мире. Перебиваюсь слухами и обрывками сведений от подкупленного сотрудника внешней разведки. Я только-только вышел

на этого бывшего мужа, к нему просто так не подберешься, и вдруг такой сюрприз! Попробую что-нибудь разузнать. На всякий случай удвойте бдительность. Передай волкам, чтобы держали ухо востро. Если вдруг новая хозяйка явится на элеватор – в этом я глубоко сомневаюсь, но мало ли – постарайтесь ее обаять и убедить, чтобы она продала локомотив. Врите, что им заинтересован коллекционер, заплатит большие деньги. Потом подсунем ей журнал выездов, чтобы расписалась, и заберем локомотив себе.

– Понял, – буркнул Дорик. – Сейчас поговорю с волками.

Гжесь отступил от ангара, вернулся к хозяйствующим братьям и сел ждать гнома – было интересно, приврет или не приврет. Капля человеческой крови могла толкнуть на приукрашивание ситуации или создание завесы секретности. Чистокровные гномы практически никогда не врал, предпочитали отмалчиваться.

Дормидонт продемонстрировал приверженность гномским принципам. Правдиво пересказал разговор и закручинился.

– Ыть, невезуха какая! Бабы, они тепловозы не любят. Красоту не ценят, близко к локомотиву подходить боятся. Хорошо если согласится продать и подпишет разрешение на выезд. А если сдаст Тимочку на металлолом? Или продаст коллекционеру, а в журнале не распишется? Что тогда, всю жизнь до границы и обратно кататься?

– И мужик на металлолом продать может, – вздохнул Гжесь. – Меня больше тревожит приказ «обаять». Сомневаюсь, что у нас это получится.

– А чо нет-то? – удивился Дорик.

Гжесь посмотрел на нечесаную рыжую бороду и нос «картошкой» и ничего не ответил. Гномы плохо реагировали на замечание о внешности, проверять, самолюбив ли Дормидонт, не хотелось.

Себя и братьев он тоже не считал способными обаять новую хозяйку. Нужно было вызвать доверие, убедить, что их слова имеют какую-то ценность. А они выглядели так как выглядели – сбежавшими из голодного края.

«Выяснить бы, любит ли она животных. Можно было бы волком подольститься. Но тогда ртом ничего не скажешь. Проблема».

– Курага размокла, – сварливо сказал братцу Дормидонт. – Ставь воду на рис, пока сухофрукты в месиво не превратились.

Мориц послушно набрал кастрюлю воды и понес ее на плиту. Гжесь прислушался. Со стороны ворот со звездами донесся металлический грохот. Как будто кто-то тряс створку ворот или боковую калитку.

– Опять алкаши приперлись клянчить, – поморщился Дорик. – Повадились. Я им иногда денег подкидываю, а они молодые деревья пилят. Но сейчас не до того. Сходи, отправь их подальше. Только не калечь. Словами отправь, так-то они безобидные, просто настырные очень, когда на бутылку не хватает.

Гжесь не торопясь взял футболку с колченогого стула, прикрыл торс и пошел к воротам, разбрасывая песок и гравий великоватыми шлепками. Грохот прекратился, возле ворот никого не было. Колея к границе миров скрывалась за зарослями и Гжесю показалось, что там, на рельсах, происходит какое-то движение. Он подошел к воротам, высунулся в дыру и вытянул шею. Ветер принес знакомый запах. Цок. Цок. Мелькнула вишневая ткань. Из-за куста, стараясь попадать каблуками на шпалы, вышла красивая добрая женщина, покормившая его огурцами.

Черно-белое зрение волка не позволило оценить теплый русый цвет волос. На солнце они отливали рыжиной, напоминая об осени и опадающих на землю листьях. Лицо было немного кукольным, но во взгляде светилась решимость и недюжинная воля.

– Добрый день, – проговорила знакомая незнакомка, не делая попыток приблизиться к воротам. – Мне сказали, что это вход на элеватор. Что где-то рядом бытовка сторожа.

- Да, – Гжесь подумал, что сторожем, скорее всего, назвали Дорика. – Это вход.
- Вы сторож?
- Я его помощник, – соврал Гжесь. – По уборке территории. А что вы хотите?
- Войти. Я хозяйка этого... – Тонкая рука описала полукруг. – Сооружения. Хочу ознакомиться с состоянием своей собственности. Вы принесете ключи? Этот замок можно открыть?
- Да, конечно, – Гжесь обрел живость. – Простите. Одну минутку. Он помчался к ангарам, запинаясь о камушки. Добежал, крикнул:
- Дорик! Живо ищи ключи от ворот! Хозяйка пришла!

Глава 5. Ксения. Хиппарь и моджахеды

На рассвете ее разбудил петух. Орал, скотина пернатая, как будто поставил себе целью напакостить всем совам округи. Ксения, оставившая балконную дверь приоткрытой, чтобы насладиться ночной прохладой и выветрить огурцовый укроп, минут пятнадцать ворочалась с боку на бок, пыталась снова заснуть, а потом решительно встала.

– Кто рано встает, тому бог подает, – пробормотала она, выиграв сражение с кофеваркой – от щедрот бывшего мужа кухня была укомплектована. – Эх, жаль, что я не научилась машину водить. Думала – не царское это дело. Шофер есть, пусть возит. А сейчас бы не помешал маленький автомобильчик. Чтобы не ходить пешком и не искать вокзальное такси.

Кое-какие деньги у Ксении были. Откладывала на потайной счет, до которого Виталик не добрался. Или побрезговал отнимать – по его меркам это были копейки.

«Надо бы выяснить, сколько стоят продукты в магазинах и есть ли доставка. Деликатесы тут наверняка не продают, но вывеску сетевого супермаркета я из такси видела. А еще поискать платежки за коммунальные услуги. Понять, надолго ли мне хватит накоплений. Чувствую, квартира эта влет не уйдет, продавать придется долго».

Под входной дверью что-то загрохотало. Ксения выглянула в глазок, увидела соседку, с кряхтением собирающую эмалированные миски, рассыпанные по площадке, и заинтересованно вышла помочь. Оказалось, что Галина Сергеевна с мамой перебирают посуду и беспощадно выбрасывают все старое, надбитое и облупившееся. А мусорный пакет порвался. Экая незадача!

Ксения помогла сложить миски в новый пакет, вынесла его в бак, чтобы соседке не пришлось ходить туда-сюда по лестнице, и была приглашена на завтрак в чистенькую кухню. Воспользовавшись случаем, она вернула соседкам отмытую банку и тут же получила новый подарок – маринованные помидоры, воняющие укропом.

«Надо будет хаски отдать. И не забыть ему корма купить. Нельзя собаку только маринадами кормить, заболит».

В остальном встреча с соседками прошла успешно. Ксения съела вкусную котлетку, поговорила об элеваторе – «Загубили, капиталисты проклятые, а такое предприятие было! Процветающее, секретное, хорошие зарплаты платили, квартиры давали! А теперь руины!» – и взяла у Галины Сергеевны телефон службы заказов местного такси. Это воодушевило – не надо снова на вокзал топтать – и Ксения начала неспешно собираться в поход. Первый таксист отвез ее в центр города, где она нашла банкомат, сняла наличные и прогулялась по главной улице, обзвывая достопримечательности. Памятников Ленина ей встретилось целых два, один выкрашенный серебряной краской, другой – золотой. В крохотном городском парке слабо журчал фонтан, зеленели деревья, предлагали напрокат детские автомобили и продавали кофе. Как оказалось, вполне сносный. Ксения посидела на лавочке, выпила латте, полюбовалась на свежеокрашенные карусели и поняла – сколько ни откладывай, а надо ехать. Ехать и узнавать, есть ли кто-нибудь на этом чертовом элеваторе, который виден с любой точки города. Торчит, притягивает взгляд бежевыми башнями. Пугает. Значит, от страха надо избавиться. А потом съездить в магазин и купить продуктов и собачий корм.

Она вызвала такси к парку и спросила у водителя:

– Где вход на элеватор? Можете меня туда отвезти?

– Центральный вход давно закрыт, – ответил тот. – Ворота заварены. Старую проходную кирпичом заложили. Административное здание тоже закрыто. Сторож там есть. Живет в бытовке возле локомотива. Решайте, куда вам надо. Ко входу или к сторожу?

– К сторожу, – ответила Ксения.

– Я вас подвезу почти к воротам. Рельсы сами перейдете, там проезда нет. Покричите, сторож выйдет. Калитку потрясите. И погромче, а то он не услышит.

«Рельсы. Локомотив, – подумала Ксения. – Интересно. Посмотрю на месте. Неужели маневровый, как у папы на комбинате был? Там руду возили. А здесь... здесь зерно. Все правильно. Почему я сразу не подумала? Это же был логистический узел»

Таксист довез ее до железнодорожного перехода – одно название, просто доски между рельсами настелены – и показал, где ворота. Ксения медленно пошла к решетчатой ограде, озираясь по сторонам. Потрясла калитку – кричать не решилась, неловко было – и вернулась к рельсам, чтобы проверить. Нет, не показалось. Одна колея странная, уходит в землю. Черт знает что.

За время, пока она гуляла по шпалам, у ворот появился предполагаемый сторож. Крепкий молодой мужчина с аккуратной каштановой бородой. Загорелый, темноволосый, чисто одетый, разговаривавший со странным акцентом. Ксения отметила военную выправку – на это у нее глаз был наметан – и, поразмыслив, прилепила незнакомцу кличку «моджахед». Было в нем что-то этакое... тюрбан бы еще на голову и винтовку. И полная идентичность.

Моджахед убежал к ангарам – Ксения насчитала не меньше трех – и вернулся со сторожем, сразу же получившим ярлык «хиппарь». Рыжая борода, бандана, нечесаные патлы, потерянная форменная тужурка... как будто нарядился на театральное представление.

«Да уж... таких персонажей нарочно не придумаешь, даже если стараться. Подходить боязно. Хиппарь здоровый, моджахед тоже здоровый и опасный. Хорошо если просто сумку отнимут. А если?..»

Напридумывать ужасов Ксения не успела. Хиппарь быстро отомкнул калитку, подбежал к ней и облобызал запястье.

– Рад приветствовать нашу хозяйку! – пробасил он. – Как вас звать-величать, голубушка? Меня Дормидонтом матушка нарекла, но вы сразу попросту называйте меня Дориком, чтобы не утруждать себя длинным словом.

– Ксения Петровна.

– Ксаночка! Имя-то какое красивое! – обрадовался хиппарь. – Пойдемте, голубушка, покажу вам уцелевшее хозяйство.

Ксения спустила фамильярность – сведения были важнее – и спросила:

– Дормидонт, а где локомотив? Мне сказали, что здесь локомотив в ангаре стоит.

Хиппарь заметно напрягся. Моджахед, прежде вежливо улыбавшийся, посмотрел на Ксению нехорошо и цепко.

«Надо будет выяснить, что он тут убирает, – поставила себе мысленную пометку Ксения. – А то выяснится, что террорист какой-нибудь в розыске, мне еще и соучастие впаяют, что я на элеваторе моджахедскую ячейку взлелеяла».

– А вы с какой целью интересуетесь? – свел лохматые брови хиппарь. – На металлолом, небось, локомотив сдать хотите?

– Хватит дурака валять! – разозлилась Ксения. – Что за локомотив? Тут промышленное предприятие. Должен быть маневровый.

– Ты откуда такое слово знаешь?

– Оттуда, – Ксении захотелось показать ему язык. – Папа мой на горно-обогатительном комбинате старшим инженером работал. Я в детстве по таким ангарам лазила, когда он меня с собой на работу брал. Прекрасно знаю, для чего на предприятиях рельсы прокладывают, и что такое маневровый тепловоз еще не забыла.

– Серию папиного тепловоза мне скажи, – прищурился хиппарь.

– Тэ. Гэ. Эм. Три! – отчеканила Ксения.

– Ыть! – удивился хиппарь. – И правда шарить. Тимочка помоложе будет. ТГМ-4.

– Покажешь? – спросила Ксения, стараясь не ежиться под взглядом моджахеда.

– Покажу. Точно на металлолом не сдашь?

– Я тебя ветеринарам на опыты сдам, если гадости говорить не перестанешь!

Хиппарь фыркнул, галантно взял ее под локоть и повел по шпалам – к поржавевшим строениям. Ксения старалась идти осторожно, чтобы не сломать каблук, не вывихнуть ногу, и почувствовала, как от окружающей разрухи на нее накатывает тоска.

Она ведь не врала насчет тепловоза. Чуть-чуть приукрасила. Да, она была папиной любимицей – а сестра маминой – и на экскурсии по комбинату папа ее водил, и рассказывал много и интересно. Комбинат целехонек, модернизирован и процветает. Сестра живет в родном городе, в их старой квартире, нянчится с детьми. А она, уехавшая покорять столицу – покойный папа ее всячески в этом поддерживал – сейчас обдирает туфли о гравий в компании сомнительных личностей и козырнуть может только знанием серии локомотива. Других достижений нет.

– Вот! – гордо сказал Дормидонт.

Она очнулась, перестала смотреть под ноги. Подняла голову. Маневровый тепловоз ТГМ-4, выкрашенный голубой краской, посматривал на нее прожектором и буферными фонарями. Посматривал с недоверием: «Ишь, цаца какая явилась! А вдруг сдаст на металлолом?»

– Как ты сказал его зовут? – уточнила у хиппаря Ксения. – Тима?

– Да.

– Тимочка, – она решилась и коснулась прохладного металла. – Не сердись. Я тебя не обижу.

Глава 6. Гжесь. Новое задание

Дормидонт распустил бороду и ухлестывал за красивой Ксенией. Хвастался локомотивом, как будто собрал его своими руками из подручных материалов, предлагал прокатиться – получил ответ, что в следующий раз – и всячески расхваливал себя, ни словом не упомянув о коллекционере, желающем купить тепловоз-антиквариат.

Ксения Дормидонту улыбалась, а на Гжеся посматривала искоса, с явным недовольством, которое усилилось, когда она увидела Морица и Дьюлу. Дормидонт немедленно наврал, что они шабашники, которые будут опиливать деревья – «документы у них есть, Ксаночка, все чисто, без подвоха!» – и продолжил восхваление себя.

– Я, Ксаночка, тут по зову души работаю. Так-то у меня высшее образование, факультет самолетостроения.

– Ага, – ответила та. – Странно, что не таксист.

– Вечером тут хорошо, тихо, – не сбиваясь, вещал Дормидонт. – Выйдешь, помотришь на звезды, сразу дух захватывает и что-нибудь спроектировать хочется.

– Точно, звезды, – кивнула Ксения. – Надо корм купить. Дорик, а здесь доставка в магазинах есть? Чтобы заказать и тебе кто-нибудь к двери принес?

– Такого тут нет, но это не страшно, – заверил тот. – Зачем тебе доставка, когда у тебя есть я? Все, что надо, принесу. От магазина до холодильника. Ты только командуй. Никаких проблем.

– Пожалуй, воспользуюсь твоим предложением, – после раздумий ответила Ксения. – Давай сейчас сходим в магазин, ты мне все принесешь, а завтра я приду и продолжим осмотр. Не знаешь, тут какие-нибудь документы сохранились? В административное здание можно войти?

– Самое ценное я припрятал. Журналы въезда-выезда, маршрутные листы, карты и старые договора на поставку зерна на мельницу.

– На какую мельницу? Пойдем в магазин, по пути расскажешь.

Дормидонт, не умолкая, повел Ксению по растрескавшейся и поросшей травой асфальтовой дорожке к другому выходу.

– На мельничный комплекс раньше зерно отправляли, через Торжище-Сортировочную в Млин. В страду работа кипела и там, и тут. Ох и хорошая мука была! И хлеб из нее пышный пекли, по три дня не черствел.

– А ты откуда знаешь?

– Рассказывали.

Гжесь почуял, что Дормидонт соврал – интонация изменилась. Именно сейчас, когда отвертелся словом «рассказывали». Про самолетостроение не обманывал, но это не удивительно – гномы по полжизни учатся. А жизнь у них длинная. Надо будет спросить, сколько ему лет. Наверняка хлеб из той муки ел, раз первым делом припомнил.

Мориц и Дьюла вопросительно посмотрели на Гжеся – не надо ли перекидываться и бежать вслед за гномом и хозяйкой?

– Нет, – покачал головой он. – Они в магазин. Нам туда нельзя выходить.

Братья дружно кивнули. Мориц вернулся к приготовлению каши: помешал, попробовал, досыпал сахара. Гжесь побродил вокруг ангаров, отгоняя нарастающее беспокойство. С чего вдруг? Дормидонт тут живет давно, язык знает в совершенстве, местные обычаи изучил. Силен, сможет Ксению защитить, если пьяные хулиганы пристанут.

«Может быть, это ревность? И я путаю предчувствие и злость? Ксения красивая, волк благодарен ей за добро, я бы, при других обстоятельствах, пригласил ее прогуляться по Торжищу, сходить в театр или ресторан. Конечно, там бы она смотрелась странно: женщина в брю-

ках – дурной тон. Но можно было бы уговорить ее переодеться в платье. А волк бы бегал за ней, тыкался носом в шуршащие юбки...»

Мечтания прервал требовательный свист камня-говоруна. Гжесь поколебался, решил подойти и ответить, не дожидаясь возвращения Дормидонта, и не зря. Управляющий был взволнован и желал поговорить именно с ним.

– Гжегож, я сегодня получил сведения о собственниках элеватора. Предыдущего хозяина, Виталия Витальевича, мне и раньше характеризовали как человека беспринципного, лишенного чести и моральных устоев. У него мощная юридическая поддержка и серьезная служба безопасности. Именно поэтому я опасался вести с ним переговоры – не хотелось, чтобы кто-то, покопавшись, вытащил на белый свет историю торговли между мирами. Виталий Витальевич не тот предприниматель, с которым можно было бы безбоязненно заключить сделку.

– Понял, – буркнул Гжесь.

– Он отдал элеватор Ксении Петровне, надеясь, что она погрязнет в пучине штрафов и долгов. Издевательски выполнил условие брачного контракта. И это дает нам шанс заполучить элеватор и начать закупку и транспортировку зерна – Ксения Петровна наверняка захочет избавиться от ненужной собственности. По моим сведениям, Виталий Витальевич присовокупил к отступным квартиру в доме неподалеку от элеватора, и Ксения Петровна туда уехала. Есть немалый шанс, что она сейчас находится в Щедропольске.

– Да, – Гжесю надоело выслушивать предположения. – Она сегодня пришла на элеватор. Сейчас ушла в магазин с Дормидонтом. Он поможет ей отнести покупки в квартиру.

– О мой бог! Какая несказанная удача! Ваше впечатление, Гжегож? Какая она?

– Красивая, – не успев прикусить язык, выпалил он. – Умная. Разбирается в маневровых локомотивах. К нам отнеслась с подозрением, к Дормидонту снисходительно.

– Прекрасно. Задачи в очередной раз меняются. Я удваиваю вам жалование и беру на себя обеспечение вашей семьи продовольственным пайком. Ваша задача – безопасность Ксении Петровны. Возьмете такой контракт?

– Да, – без колебаний ответил Гжесь.

Он бы защищал ее и без контракта, но официальная должность телохранителя лучше.

– В виде исключения разрешаю вам выход за пределы территории элеватора. Ваши родственники продолжают выполнять прежние обязанности. Помните, бывший муж Ксении Петровны – опасный человек. Если он каким-то образом почует упущенную выгоду, то попытается отобрать у нее имущество. Возможно, не брезгуя угрозами и насилием. Вы готовы? Справитесь?

– Вы знаете, что оборотней нанимают потому, что мы защищаем охраняемый объект до последней капли крови. Ценой своей жизни.

– Знаю. И надеюсь на вас, Гжегож. Выкуп локомотива – это хорошо. Но... если получится, постарайтесь привезти Ксению Петровну к нам. Я очень хочу поговорить с ней лично. Я уже заказал хожен, его изготавливают. Но одно дело разговор на руинах элеватора, другое – в филиале Торжища. Уговорите Ксению Петровну прокатиться на локомотиве. И привезите сюда.

– Не гарантирую результат. Извините, вынужден прервать разговор. Мне надо найти Ксению и Дормидонта. Если все, что вы говорили о бывшем муже – правда, то я должен находиться рядом с ней.

– Идите. Завтра поговорим еще.

Гжесь быстро пересказал ситуацию Морицу и Дьюле, перекинулся и побежал по следу. Дормидонта и Ксению он нашел на улице, выходящими из магазина. Гном нес три объемных пакета, набитых разнообразными упаковками – в одном точно была какая-то бытовая химия, воняло.

– Ой, хаски! – Ксения увидела его и заулыбалась. – Ты гуляешь? Я тебе еды купила. А соседка тебе маринованных помидоров дала. Пойдем домой, я тебя сейчас покормлю.

Дорик свел брови и нехорошо посмотрел на Гжесю – знал, что оборотням выход в город запрещен. Волк показал ему язык, завилял хвостом и пошел рядом с Ксенией, рассуждавшей вслух.

– Надо бы тебя вычесать. Ты весь в репьях. Найду зоомагазин, куплю пуходерку и лекарство от глистов. И от клещей.

Волк фыркнул.

– Миски еще нужно купить. И ошейник. В квартиру я тебя не возьму, никогда собак не держала, стеснять себя не собираюсь. Это надо вставить, на поводке тебя выгуливать. Нет-нет-нет. Но ошейник куплю. От блох.

Волк согласился – ошейник так ошейник. От блох так от блох. Главное, что из рук Ксении.

Они дошли до двухэтажного дома, поднялись по лестнице.

– Спасибо, – сказала Ксения Дорику. – Поставь тут, я потом по одному в квартиру занесу. Сейчас возьму тарелку и хаски покормлю. Вижу, что он голодный.

– Рад был помочь, – ответил гном. – Ксаночка, ты только не забудь, что мы завтра на Тиме собрались покататься. Придешь?

– Приду, конечно. Договорились же. Завтра в одиннадцать утра. Иди, Дорик. Мне собаку покормить надо.

Глава 7. Ксения. Поездка на локомотиве

Хаски почему-то наотрез отказался есть собачий корм.

– Я где-то читала, что бродячие собаки корм не едят. Потому что привыкли к обедкам. Что же тебе дать? Помидор?

Пса Ксения пыталась покормить неподалеку от мусорного бака. Взяла пакет корма, тарелку – и облом.

– Помидор тебе принести?

Пес завилял хвостом.

– Собачку кормишь? – спросила Галина Сергеевна. – Здоровый какой! На волка похож.

– Это хаски. Не бойтесь, он дрессированный.

Пес не подвел. По команде сел, дал лапу. Галина Сергеевна умилилась, пожертвовала дрессированному хаски тарелку супа с фрикадельками, а Ксения – булочку с вареной сгущенкой. Они дружно осудили производителей корма, которые делают катышки из всякой дряни, и разошлись, оставив пса охранять подъезд.

Занимаясь домашними делами, Ксения обдумывала знакомство с локомотивом и, так сказать, сотрудниками элеватора. Дорика следовало держать на расстоянии, чтобы не забывался, но и не слишком командовать. Прибабахнутый хиппарь был бесценным источником сведений и хранил в ангаре какие-то документы – это несомненный плюс. Минусом были моджахеды. Дорик сказал, что документы у них в порядке, но Ксения в этом очень сильно сомневалась. Наверняка они навешали ему лапши на уши и устроили в ангаре террористическую ячейку. Ксения хотела потребовать, чтобы они предъявили паспорта, а потом ей стало страшно.

«Скажу Дорику, что деревья пилить не будем. Пусть выставляет их вон».

Приняв решение, она повеселела. В темноте вынесла хаски соленых помидоров и кусок колбасы, посидела с ним на лавочке возле подъезда, любуясь звездами. Неожиданно холодный ветер заставил озябнуть, Ксения обняла пса, грелась о теплый бок, зевала и думала о завтрашнем дне. Дорик предложил покататься на локомотиве, и она с неожиданной радостью предвкушала поездку.

«Прежняя жизнь закончилась. Но и в новой, оказывается, много интересного. У меня есть локомотив Тима и дрессированный пес. Дорик будет мне носить пакеты из супермаркета. Как-нибудь проживу, пока продам элеватор».

Кольнула мысль. А ведь вместе с элеватором придется продать Тиму.

– Подумаю, как не продавать, – пробормотала Ксения. – Для начала нужно понять, получится ли вообще этот элеватор кому-то впарить.

Она оставила пса везде подъезда и ушла в квартиру. Ранний подъем и наполненный впечатлениями день вымотали и Ксению неумолимо тянуло к подушке. Лечь, закрыть глаза и спать-спать-спать. Балконная дверь была приоткрыта. Ксения задумалась: закрывать или нет? Плюсом приятный свежий воздух. Минусом – утренний петух. Она взялась за ручку и вздрогнула. Ветер донес протяжный вой. Станный. Призывный, властный, заставивший сердце забиться чаще – от непонятого предвкушения. Ксения вздохнула, решительно закрыла дверь и ушла в душ. Освежиться перед сном, смыть элеваторную пыль и собачьи шерстинки, чтобы потом нырнуть под покрывало, свернуться клубочком и видеть приятные сны.

Засыпая, она подумала, что прогулка по старомодному городку, знакомство с Дориком и псом удивительным образом вышибли из мыслей и развод, и горечь из-за ссылки и изменившегося материального положения. Как будто здесь, в Щедропольске, таилась какая-то магическая сила, лишившая ее злости и боли потери, и подарившая умиротворение.

Запертая балконная дверь приглушила утреннего петуха, но всепроникающий звук добрался до Ксении из кухни, где окно было приоткрыто на фрамугу. Пришлось встать и

идти на кухню – делать кофе. Выйдя на балкон, она обнаружила, что хаски бродит вокруг дома. Собирает репы с сухого газона и пачкает лапы в единственной луже. Увидев Ксению, пес приветственно затыкал.

– Сейчас я тебе булочку вынесу, – пообещала она. – А потом оденусь и пойдем на элеватор. Пойдешь со мной? На Тиме покатаемся?

Хаски ужасно обрадовался, заплясал на задних лапах, завизжал – как будто понимал, что ему говорили.

Вишневый брючный костюм после вчерашней прогулки требовал чистки, и Ксения вынула из шкафа темно-зеленый. Перед выходом придирчиво осмотрела себя в зеркало, поцокала языком – волосы порыжели. То ли от переживаний, то ли от солнца.

– Покрашусь, – пообещала зеркалу она. – Побуду яркой блондинкой. Если бы не Виталья с его закидонами, что волосы должны быть естественными, давно бы покрасилась. А теперь буду делать то, что захочу!

Она дополнила образ шелковой косынкой и дизайнерскими кедами, надушилась и отправилась навстречу приключениям. Хаски французские духи не понравились – обнюхал Ксению и расчихался. Зато провёл к ангарам короткой дорогой: звал, осторожно потянул за брючину, протащил по тропке мимо кучи мусора и вывел на знакомую растрескавшуюся дорогу.

Хиппаря она увидела издали. Сторож-машинист бегал вокруг локомотива, стоящего на путях – выехал из ангара, ура, работает! – и ругал еще двух хаски, вертевших у него под ногами.

– Стая тут, что ли? – спросила она у своего пса. – Наверное, сторож вас прикормил, чтобы вы Тиму охраняли. А потом перестал кормить, а вы далеко не уходите.

Хаски завилял хвостом, побежал вперед, к псам и хиппарю. Окрестности сотряс могучий рев:

– Ксаночка! Солнышко! Ути-пути, красивая какая! А мы тебя уже заждались, Тимочка пыхтит-тархтит, ждет, когда ты ему разрешение на выезд подпишешь.

– Какое разрешение? – уточнила Ксения, в очередной раз пропустив мимо ушей фамильярность хиппаря.

– Что ты! За ворота просто так нельзя! Техника безопасности! Ответственность! Сейчас я тебе журнал выездов принесу. Ручку я уже приготовил.

О технике безопасности локомотивов Ксения ничего не знала, но Дормидонт ее слабые возражения игнорировал.

– Надо! – строго сказал он. – Вот здесь напиши свое имя-фамилию и распишись. Вот, смотри!

Грязный палец уткнулся в строку в разлинованной амбарной книге. Ксения скользнула взглядом по уже заполненным строчкам. «Комиссия в составе служащего Министерства путей сообщения СССР А. Б. Иванова, парторга Щедропольского элеватора В. Г. Петрова и представителя Министерства сельского хозяйства Д. Е. Сидорова дает разрешение маневровому тепловозу ТГМ-4 на выполнение работ по транспортировке вагонов состава Щедропольск–Торжище-Сортировочная». В следующей строке были вписаны имя, фамилия и отчество, а в графе «подпись» под прочерком, кто-то убористо дописал «рейс отменен в связи со смертью хозяина элеватора».

– Это почему? – спросила Ксения, указав на приписку.

– Девяностые, – спокойно ответил хиппарь. – Его застрелили. Не за элеватор, он бензином торговал, кинул подельников.

– А где эти?.. – Ксения благоразумно проглотила слово «моджахеды». – Ну, те, которые деревья пилят.

Из-за слова «застрелили» и вспомнила.

– Там.

Хиппарь махнул в сторону ангара. Подал ей замызганную шариковую ручку. Ксения вздохнула. Написала фамилию – вроде бы, на девичью обратно менять не надо – добавила инициалы, а в графе «разрешение» переписала формулировки комиссии. Дормидонт просиял, забрал у нее амбарную книгу, передал невесть откуда взявшемуся моджахеду и объявил:

– Сейчас прокатимся с ветерком!

Ксению с почетом препроводили в кабину машиниста. Моджахеды споро открыли решетчатые ворота. Тима зафырчал, запыхтел, свистнул так, что уши заложило.

– Хаски! – спохватилась Ксения. – Пес где-то бегаёт. Осторожнее, он же из кустов выскочить может, мы его задавим!

– Не бойсь, не задавим! – пообещал хиппарь.

Тима набирал ход. Выкатился за ворота и поехал по странной колее, уходящей в землю. Моджахеды с мешками и кастрюлей запрыгнули на площадки с двух сторон тепловоза, вцепились в поручни. Тима свистнул еще громче. Ксения завизжала, вцепилась Дорику в руку:

– Останови его! Останови! Там же рельсы заканчиваются! Мы перевернемся!

– Не бойсь! – повторил сумасшедший хиппарь. – Сейчас ветка на Сортировочную откроется.

Глава 8. Гжесь. Остановка по требованию

Ксения визжала так, что у него уши заложило, и проход через завесу между мирами он пересек почти оглохшим. Когда локомотив выехал на основную железнодорожную линию, ведущую к Торжищу, визг, перемешанный с всхлипываниями, стих. Ксения, перекрикивая шум, спросила:

– Куда мы едем, ты, идиота кусок, куда ты меня везешь?

– Ты же подписала, – невозмутимо ответил Дормидонт. – Разрешение подписала. Состав, к которому можно транспортировать вагоны, нет. Поэтому мы поедem в филиал уточнить указания. Не бойся, Ксаночка, это путь к лучшему. Управляющим покомандуешь, решишь, что с элеватором делать. Не кричи, смотри по сторонам, успокойся. Тут станции красивые.

Ксения выдала залп цветистых ругательств, характеризующих умственные способности, внешность и моральные качества гнома. Немножко поплакала – Гжесь решил не вмешиваться, чтобы не навлечь на себя гнев – посмотрела в окно и спросила:

– Что это за станция?

Тепловоз замедлил ход, приближаясь к пустой платформе и маленькому зданию с башенкой, увенчанной шпилем.

– Это Плодовая, – сообщил Дормидонт. – Раньше от ваших на здешний склад сахар возили. Сюда со всех окрестных земель люди, гномы и оборотни съезжались. Был плодовый рынок. Покупали и сахар, и фрукты. На варенье. Не для промышленного производства. Для домашнего консервирования.

– Какие еще оборотни и гномы? Что ты несешь? – возмутилась Ксения. – Фэнтези начитался?

Гжесь с тоской подумал, что ему придется долго объяснять, что он и волк Хаски это одно и то же. Ругаться будет, наверняка.

Они проехали мимо «Плодовой», свистнув смотрителю, выглянувшему из-за станционного здания. Высаженные вдоль путей яблони краснели плодами, Гжесь успел сорвать десяток и этим привлек внимание Ксении, строго спросившей:

– Что это ты делаешь?

Он обтер крупное красное яблоко об футболку, протянул ей – вместо ответа. И загадал: «Если возьмет и съест, все будет замечательно. Поверит, поймет. И – если сильно повезет – одарит благосклонностью».

Ксения яблоко взяла. Подозрительно осмотрела, понюхала. Есть не стала, но и не выбросила. Уже хорошо.

Тима бодро ехал вперед. Дормидонт и Ксения молчали, Гжесь ел яблоко, Мориц и Дьюла – кашу с сухофруктами из кастрюли, которую рачительно забрали с элеватора. Они проехали «Перпендикулярную» и «Постовую», посвистели смотрителю «Горной». Ксения подала голос, когда тепловоз подъехал к «Родниковой» – станции с вкуснейшей водой в питьевых фонтанчиках.

– Сколько мы еще будем ехать? Я хочу пить! И мне нужен туалет!

– Остановись, – потребовал Гжесь.

Дормидонт что-то буркнул. Пришлось повысить голос, повторить:

– Остановись немедленно!

Тима начал тормозить – нехотя, скрежеща колесами по рельсам. Ксения осмотрела бежевое станционное здание с куполом и барельефами – нимфами, наполняющими кувшины в источниках – и покосилась на Дормидонта.

– Что? – спросил Гжесь.

– А если мы выйдем и он без нас уедет?

– Дьюла, дай мне веревку, – попросил Гжесь. – Я знаю, у тебя есть, ты мешки с крупой завязывал.

Братцы прихватили купленный Дориком запас продуктов – не оставлять же на элеваторе. Неизвестно, вернешься ли назад.

Получив два куска веревки, Гжесь выманил Дорика на платформу, ловко его скрутил, связал руки и ноги – под удивленные крики Ксении – сгрузил на вокзальную лавочку и объявил:

– Он без нас не уедет. Прошу вас, спускайтесь, Ксения Петровна. Здесь очень хорошая и чистая вода. Рекомендую.

Он подал руку, чтобы Ксения могла опереться, спускаясь по ступенькам локомотива, а не цепляться за поручни.

– Кто вы? – внезапно спросила она, прижимая к себе яблоко. – Я с самого начала поняла – что-то нечисто.

– Я ваш телохранитель, Ксения Петровна. Моя задача – обеспечение вашей безопасности. В любом из миров.

Ксения решила, спустилась на перрон. В этот момент Дорик переварил случившееся, обрел дар речи и начал орать, требуя, чтобы его развязали.

– Ты, пес смердячий, как ты посмел на меня руку поднять? Шавка блохастая! Кобель лишайный, сними веревки немедленно!

– Прошу прощения, можно ненадолго взять вашу косынку?

Ксения разрешила. Гжесь сделал кляп и заткнул Дорику рот – чтобы не сотрясал воздух попусту и не портил хозяйке и без того испорченное настроение.

– Здесь родниковая вода, – сказал он. – Источник чуть дальше, на горе. Там же была небольшая водолечебница, но она закрылась, когда по ветке перестали ходить пассажирские поезда.

– Откуда ты это знаешь?

– Что-то рассказывали, что-то на уроках торговой истории миров учил. Прогуляйтесь, если хотите. До Торжища еще часа четыре ехать. Мы можем остановиться в любой момент, но некоторые станции чисто грузовые, там будет неуютно.

Ксения кивнула, доверила ему подержать яблоко, ушла в здание, минут через двадцать вернулась, напилась из фонтанчика и проговорила:

– Какие там красивые фрески.

– Это была визитная карточка источника и водолечебницы, – объяснил Гжесь. Осмелился, добавил: – Ксения Петровна, не думайте, что кто-то желает вам зла. Мы едем на Торжище. Там уже много лет существует филиал Щедропольского элеватора. Именно по этой железной дороге люди отправляли зерно в гномский мельничный комплекс. Обсудите с управляющим состояние дел, решите, что вы хотите: продать элеватор, продать Тиму или – ну, вдруг – возобновить торговлю. Сделку лучше заключать, обладая полной информацией. Вам достались не только руины в Щедропольске. К ним еще кое-что прилагается.

Ксения слушала его речь сидя на лавочке и медленно жуя яблоко, которое она помыла в питьевом фонтанчике. Гжесь решил, что сказал достаточно и замолчал. Ксения проглотила кусок и задала вопрос:

– Что значит – «гномский»? Этот, – она махнула рукой с сторону Дорика. – Тоже что-то выкал про гномов и оборотней. Вы сговорились? Морочите мне голову?

– Ксения Петровна, мир чуть разнообразнее, чем думают в вашей империи. Оборотни и гномы существуют. Вот, например, я.

Он снял футболку. Ксения огулительно завизжала. Дорик заерзал, замычал, а Мориц с Дьюлой оторвались от каши и дружно уставились на Гжеся. Он отошел за разросшийся куст можжевельника, разделся и превратился. Волк подбежал к визжащей Ксении и умоляюще

заскулил: «Тише, пожалуйста, тише! Волчий слух острее человеческого, у меня голова лопа-ется!»

– Хаски? – всполошилась Ксения. – Ты с нами поехал? А почему я тебя не видела? Иди сюда. Дай лапу. Будешь меня охранять? Эти психи завезли нас неведомо куда. Моджахед лютую чушь несет, хиппарь тоже. Черт меня дернул идти на этот элеватор, надо было продавать, не глядя!

Гжесь понял, что ему выпал идеальный случай, чтобы убедить Ксению в существовании оборотней. Волк дал лапу, заулыбался, когда Ксения почесала его за ухом, и отошел на пару шагов. Гжесь превратился. Ксения завизжала еще оглушительнее – хотя прежде казалось, что это невозможно – кинула в него огрызком яблока, а потом встала и пнула. Не больно но обидно.

– Я и есть ваш волк Хаски! – сообщил Гжесь, пытаясь перекрыть визг. – Мы – одно и то же. Смотрите.

Он снова превратился. Волк растянулся на асфальте и попытался прикрыть уши лапами.

– Что? – оборвав визг, переспросила Ксения. – Ты – хаски? Минуточку, а где теперь моджахед? Это что за фокусы?

На станции воцарилась блаженная тишина. Дорик не мычал, Мориц с Дьюлой молча наблюдали за представлением – Гжесь старший, ему с нервной хозяйкой и договариваться – станционный смотритель, если таковой и присутствовал на «Родниковой», благоразумно куда-то спрятался.

– С ума сойти, – пробормотала Ксения, опускаясь обратно на лавочку. – Неужели булочки в магазине продают с какими-то запрещенными добавками? Съела на завтрак и теперь всякая чертовщина мерещится. Ну не может же такого быть!

Волк уполз в куст можжевельника. Гжесь в очередной раз превратился, оделся, выглянул из ветвей и повторил:

– Мир разнообразнее, чем вы думали. Я оборотень. Я ваш телохранитель. Вы дали мне имя. Хаски. Мы будем вас защищать. Оба.

– А хиппарь в кого-нибудь превращается? – прищурилась Ксения. – Или только ты так умеешь?

Глава 9. Ксения. Пикник на «Бахчевой»

Ситуация вышла из-под контроля, и Ксения чувствовала себя щепкой, несущейся в бурном потоке, ожидающей, что ее прибьет к берегу, где можно будет отдышаться и осмыслить происходящее. Станция «Родниковая» показалась ей таким местом – она решила не обращать внимание на то, как ловко моджахед связал хиппаря – но, увы. Этот гад все испортил! У Ксении был чудесный хаски, а теперь его не стало. Противно. Получается, лапу ей давала не собака, а какая-то двуличная пакость. Помнится, в институте преподаватель говорила, что повторяющиеся у многих народов мифы и легенды не могут быть беспочвенными. Значит, мол, были и вампиры, и оборотни, жили среди людей, а со временем вымерли. И вот, пожалуйста! Они не вымерли. Прятались в Щедропольске, сволочи! И теперь украли Ксению и везут неизвестно куда.

Слова о филиале элеватора она запомнила. Но пока не спешила принимать их за чистую монету. Присмотрелась к развязанному Дорику – моджахед сказал, что он гном и ни в кого не превращается – согласилась сесть в Тиму и задумалась, глядя на мелькающие поля и деревья. У нее были кусочки информации, на которые она не обращала внимания или трактовала неправильно. Та запись в амбарной книге. Парторг, представитель министерства. Получается, во времена СССР тепловоз Тима возил вагоны с зерном для мельницы в гномском мире? А что коммунисты получали взамен? Сомнительно, что гномы расплачивались советскими рублями. Но какая-то же выгода имелась? Или нет?

«Гномы золото добывают. И истинное серебро. Точно, мифрил! В кино красивые кольчуги были, – вспомнила она. – Может быть, партия и правительство продавали зерно за золото? Но почему потом элеватор пришел в запустение и разрушился? Почему никто не хотел зерно на золото менять? Эх, какая сделка мимо Виталика просвистела! Уж он бы этих гномов ободрал как липку, все из них вытряс бы – и золотишко, и драгоценные камни и серебро на сдачу».

Расспрашивать гнома о деталях торговли не хотелось. Моджахеда тоже. Ксения налюбовалась пейзажем, поняла, что беседа с неизвестно откуда взявшимся управляющим филиала будет долгой, и пожалела, что никогда не вникала в технику ведения деловых переговоров.

– Главное чтобы меня домой вернули, если мы ни о чем не договоримся, – пробормотала она себе под нос.

Гном ее слов в грохоте движущегося Тимы не расслышал. А хаски-моджахел, маячивший рядом с кабиной машиниста – да. Наклонился – видимо, хотел что-то сказать – и тут же отстранился, передумал. Ксения вдохнула, выдохнула и посмотрела на него, стараясь изгнать из памяти неприятную картину изменения тела. Вот это бы забыть, уж больно скверное зрелище. А так-то и хаски симпатичный, и сам моджахед, если оценивать в отрыве от элеватора и чертовщины, в принципе, ничего так мужик. Сводить его в хороший барбершоп, сделать модную стрижку, укоротить бородку, одеть поприличнее, и будет не конфетка, но вполне себе годный экземпляр.

Под ее взглядом моджахед заволновался. Наклонился, спросил:

– Вам что-то нужно? Я набрал воды на станции. Если вас укачало или еще какие-то проблемы, мы всегда можем остановиться.

– Не всегда, – вклинился в беседу Дорик. – Впереди «Бахчевая». Там сейчас погрузка с полей идет. Если вперед состава проскочим, придется до Торжища гнать изо всех сил.

– А ты не проскакивай.

– И что, на запасном пути стоять? Там уныло, поселок крохотный, гостиница на три номера и харчевня в которой уже шестьдесят лет подкисший рассольник подают. Врут, что это фирменный рецепт, а на самом деле готовить не умеют.

Ксения улавливала смысл, но больше вслушивалась в акценты – сейчас поняла, что у Дорика тоже есть, но не такой заметный. Моджахед выговаривал слова отрывисто, иногда раскатистая «р» сбивала с толку. Непривычно. Как будто в человеческую речь вплетается собачье ворчание.

– Как тебя зовут? – спросила она. – Ты сказал, но я не запомнила.

– Гжегож. Гжесь. Но если вам удобно, вы можете продолжать называть меня Хаски. Вы дали мне это имя, оно мне нравится.

– Это не имя! – удивилась Ксения. – Это порода собак!

– А я думал... – моджахед Гжегож выглядел озадаченным.

– Гжесь, – она прислушалась к звучанию. – Забавно. Гвоздь и жесь.

Тима свистнул. Дорик тихо ругнулся и объявил:

– Не проскочим. Придется рассольником обедать. Эх, не поперло!

Впереди показалась железнодорожная станция, колея разделилась на несколько веток, какой-то дед в коричневом кафтане и лаптях махал флажками, указывал Дорику на семафор.

– Арбуз можно купить. Или дыню, – сказал Гжесь. – Ксения Петровна, вы что больше любите?

– Арбузы, – честно ответила она. – Дыни не ем.

– Сейчас добудем. Можем не ходить в харчевню. Устроим пикник.

– На обочине.

Гжегож совершенно серьезно ответил:

– Да. На всякий случай лучше очень далеко от локомотива не уходить. Мало ли какие маневровые работы на станции будут.

Ксения поняла, что ее шутку никто не оценил. И то сказать, если ему хаски – это имя, то ни о каком пикнике на обочине этот Гжесь не слышал. Хиппарь, похоже, тоже. Надо общаться как с иностранцами. Но с теми все было ясно: похвалишь Эйфелеву башню или Тауэр и они скушали комплимент. А с этими как?

Тима заехал на тупиковую ветку, Гжесь побежал за арбузами, а Дорик нашел в кабине ватник и пожертвовал его Ксении в качестве подстилки для пикника. Она уселась на лужайке и от нечего делать рассматривала вагоны, грузчиков и двух моджахедов, выгребавших ложками остатки какой-то еды из кастрюли.

– Эй, вы! – окликнула она их, подвинувшись поближе к Дорику. – А вы тоже хаски? Это вы по элеватору бегали?

Парочка посмотрела на нее с опаской. Один помотал головой – «нет», другой сначала закивал «да», а потом пожал плечами.

– Это волки, – снизошел до объяснения Дормидонт. – Такие же оборотни как и Гжесь. Они родня, он образованный, а они неучи. Их управляющий по дешевке нанял, для количества.

– Для какого количества?

– Тиму охранять. Следить, чтобы по элеватору никто не шастал. А когда управляющий узнал, что ты теперь хозяйка, он Гжеся сделал твоим телохранителем.

– Повысил из сторожей?

– Зря ты так, – спокойно ответил Дорик. – Волки – самые лучшие телохранители. У нас в кланах, что побогаче, для старейшин и тех, кто по мирам путешествует, всегда их нанимают, на своих не надеются. Волки годами на кланы работают, с семьями сживаются, некоторые из нашего королевства потом и не уезжают. Им и дома, и земли даруют. Поговорка есть: «Нанял волка – спи спокойно».

Ксения посмотрела на Гжеся, без видимых усилий несущего на плече мешок с арбузами, ответила:

– Учту. Только превращается он.. фу, мерзость!

– Они обычно у всех на глазах не превращаются. Это как бы и неприлично. Думаю, он не знал как тебе доходчиво объяснить ситуацию.

– Ясно.

Арбузы привлекли моджахедов, доевших содержимое кастрюли. Они покинули Тиму, помогли Гжесю развязать мешок, сбегали и помыли под стационарным краном два арбуза, достали нож, порезали на относительно чистом полотенце. Ксения нашла в сумочке пачку бумажных салфеток. Взяла протянутый ей ломоть арбуза, осторожно откусила и опомнилась, когда чуть не вгрызлась в корку.

– Вкусно! – сказала она Гжесю, принимая из его рук второй ломоть.

– Их на Торжище уже много лет возят, это самые лучшие арбузы во всех мирах. Часть прямо возле полей лесной народ забирает, часть напрямую к драконам отправляют, у них там свои сезонные ярмарки. Раньше еще на Плодовую везли некондицию, там выдры надбитые арбузы и дыни скупали, варили вкуснейший конфитюр.

– А сейчас не варят, потому что сахара нет? – решила уточнить Ксения.

– Всего стало меньше. Урожаи скудные. Арбузов мало, они по цене как деликатес, – ответил Гжесь. – Это здесь нам недорого продали. На Торжище уже к одному арбузу не подступишься. Им не наешься, на те же деньги можно купить мясо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.